

СОГЛЯДАТАЙСТВО

Соглядатай — тайный разведчик, проводчик, скрытый дозорщик, лазутчик или подсылный, подосланный наблюдатель, подлаз, подзорщик, ищейка, шпион.

В. ДАЛЬ.

К 70-ЛЕТИЮ МАГНИТКИ

У В. И. Ленина, часто говорившего о законе и законности, есть фраза, начинающаяся вопросом: что такое закон? Дальше следует ответ: «Выражение воли классов, которые одержали победу и держат в своих руках государственную власть».

Правильное утверждение при правильной власти и законах. Под словом «правильный» я понимаю подлинную народность власти и законы, защищающие народ.

А что, если эту фразу несколько переиначить? Скажем, так: «Государственная власть держит в своих руках закон, который выражает волю классов, одержавших победу». Ни одного стороннего слова, а как переменялись акценты. Уже не класс держит в руках закон и власть, а, наоборот, государство. Не отсюда ли пошло выражение: «Закон, что дышло, куда повернул — туда и вышло»? Под видом слуга «дышло» становится его бременем.

Игра слов? Возможно, но суть недалека от сложившегося в 30-е годы положения вещей в соотношении: Власть — Закон — Народ.

Истинно народной власти соглядатаи не нужны. Народ следит за собой — парадокс, нонсенс.

Когда власть не доверяет народу и боится его, она создает службу соглядатаев и фискалов. Чтобы защищаться, такая власть должна знать — от кого? Вот и пускает в народ тайных наблюдателей, которые шныряют между людьми, прислушиваются, приглядываются, замечают, влезают в доверие и доносят, доносят... Доносят на товарища по работе, на соседа по бару и за плетнем, на друга и брата, на дядю и отца.

Ценность агента — в количестве доносов, его изобретательности и беспощадности.

Чем соглядатаев больше, тем власти спокойнее, поскольку уверена, что держит в руках пульсацию жизни народа. Вот эту пульсацию жизни 30-х и отразили «Спецсводки» Магнитогорского оперативного сектора полномочного представительства ОГПУ по Уралу.

Неделя за неделей, месяц за месяцем полномочный представитель информировал первых руководителей горкома партии, горисполкома и Магнитостроя о делах и мыслях в гуще народной, о довольстве и недовольстве, о тайных помыслах, сговорах и высказываниях, о саботаже и вредительстве, о врагах и враждебных вылазках. Все это определялось зловещим «враги народа» — понимай: враги власти.

В объективном плане соглядатайство в Магнитогорске имело

свои плюсы. Почти в каждой сводке шла речь о недостатках на том или ином участке строительства, на производстве, в обеспечении, управлении. Для руководителя, большого и малого, — неоценимая информация, позволяющая оперативно влиять на ситуацию. Беда в том, что лежала она под семью замками, поскольку носила гриф «Секретно» и «Совершенно секретно».

Складывалась информация по определенной схеме с периодическими повторяющимися вариациями:

- о ходе борьбы за выполнение промфинплана и борьба с прорывами на Магнитострое;
- о ходе колдоговорной кампании;
- о невыполнении рабочих предложений на строительстве;
- о подготовке к празднованию Октября;
- о ходе отчетной кампании Магнитогорского горсовета;
- об обслуживании сезонников;
- зарплата и другие наиболее общие вопросы из жизни горожан и строики.

В конце сводки, как правило, шли разделы:

- деятельность антисоветских группировок;
- антисоветская деятельность;
- рабочее вредительство (или просто вредительство);
- антисоветская агитация...

Иногда появлялись разделы «Антисемитизм» и «Шовинизм». Само собою разумеется, ложилась сводка в секретные папки, и слава богу, что эти папки сохранились до наших дней. Откроем некоторые из них и полистаем странички, заполненные строками через один интервал, убористо и экономно.

Перед нами сводка за 25 сентября 1930-го. Прошло немногим более года с начала строительства. На первой странице описывается состояние рабочего снабжения. Ропщут люди: «С питанием никакого улучшения... На фабрике-кухне безобразия...»

Первая плотина. 12 сентября собралось около 500 человек. Идет собрание-митинг. Выступает рабочий Соколов: «В столовой варят не обед, а зелье. Работаем по 10 часов, а жиров никаких не видим. Машина — и та без смазки не будет работать. За этой кашей только свиней запустят в столовую, а не рабочих. Ложки дают грязные. Наставили кругом Ванек да Дунек. Везде очереди: в столовой, в ларьке и в уборной (бурные аплодисменты)».

Присутствующий на собрании управляющий Магнитостроя Шмидт успокаивает, воодушевляя перспективой: «Вот скоро вы у нас здесь не увидите черного хлеба — будет белый, а затем и к маслицу подойдем!»

Рабочие в восторге. На лицах торжествующие улыбки. Рабочие верят своему управляющему, восхищаются нарисованными им перспективами: «Вот это дело хорошее!.. Теперь не тузи, ребята!.. Ну и заживем, братва!»

Другое собрание — на 6-м участке 23 сентября. Стихийное. Рабочие укрылись от дождя в конторе участка. Разноплановые, кочующие разговоры опять вокруг снабжения: «Здесь не Магнит-гора, а магнитное горе... В столовой жрать нечего, уже четвертый день каша-выдвиженка (ирония на энтузиастов-выдвиженцев. Автор.)... Нельзя различить: растительное масло или олифа — что-то среднее, все равно, что деготь... Всюду все нигде... Мы соревнуемся, идем в батальон энтузиастов, а одежи, сапог, да и вообще ничего нет...»

Следует приписка, очевидно, из статистических данных: «Новое строительство столовых, ларьков, магазинов и тому подобных учреждений ЦРК по снабжению рабочих идет очень медленно. Из намеченных 53 зданий пуском 1 сентября лишь к 10 сентября построено 13, не закончено 7, даны наряды на 8, а 25 отменены техбюро...»

Информатор обращает внимание властей на неодинаковость зара-

ботков рабочих одной специальности на разных участках. Например: чернорабочий на бетонитовом заводе получает 1 рубль 84 коп. за смену, на строительстве города — 3 рубля 80 коп., а на ЦЭС — 2 рубля 26 коп. Такая же разница по другим специальностям. Наибольший заработок — у арматурщиков, и тот колеблется от 5 рублей 91 коп. до 7 рублей 30 коп.; у стеклощиков — от 4 рублей 30 коп. до 7 рублей 59 коп.

Это волнует людей, вызывает нарекания и недовольства.

Соглядатами выявлены разговоры антисоветской направленности.

Дежурное помещение пожарной части № 1. В наряде 8-10 человек, они полусонно переговариваются. Приехавший с кем-то легкой кучер Лапин зашел в дежурку и некоторое время прислушивается к разговору. Потом вклинивается с вопросами о коллективизации. Это уже политика.

«Эх вы, ребята! О чем вы болтаете? Разве вам и до сих пор не видать, как нашего брата обделяют: одних гонят в совхоз, а часть в колхозы. Но дело не в том, ребята, если бы всю эту хитрую политику нашей Советской власти знали, то никто бы не пошел в колхоз. А то, глупцы, все идут в колхозы, веря красивым словам. Но время уже понять, что будет дальше с этим крестьянством, уже и так хорошо видать, что панцини не миновать. Вот обдерут всех, а там поневоле будешь работать, потому что некуда будет деваться, останешься голый, босой и голодный, а умирать не захочешь, и вот тебе и гни горба еще хуже, чем гнули.

Вот всех рабочих военизируют, тоже возьмут в руки, а там дела и пошли, как по маслу, зажмут, замучают нашего брата...»

Письмоносец Роман с кирзавода ездил в отпуск домой в Харьковскую область на станцию Лозовая. Было желание остаться дома, но вернулся на стройку: «Жизнь среди крестьян скверная, от одной коровы делают на пять коров. Молока, мяса, сала совершенно нет. В кооперации товар отсутствует, а если что можно получить из кооперации, то нужно привезти 120 пудов хлеба. Крестьяне недовольны все советской властью, проклинают, и вот я обратно приехал, думаю здесь работать».

Работница контрольно-инспекторского отдела Голованова в присутствии сотрудников возмущалась: «Коммунисты забирают себе лучшие, теплые места, должности с большими окладами, а беспартийным оставляют те, которые похуже. Если коммунист что-нибудь не сделал, то его не судят — партия скрывает и защищает таких, а если бы это сделал беспартийный, то его бы посадили в тюрьму. Моя подруга коммунистка растратила 300 рублей, а партия это скрыла безнаказанно».

Заведующий техническим бюро горного отдела инженер Завальницкий, характеризуя строительство, говорил: «Вот все, что мог завоевать себе рабочий, этот вот соцгород!.. — он указал на шалаш, поставленные самими рабочими. — Мой совет — лучше бросить эту затею и отпустить всех на все четыре стороны. А что стало с инженерами?... Жалкие фигуры в рваных штанах, сам в очереди, нечего поесть и нечего надеть, унижается. Пока город построится, то 50 процентов всех тех, кто работает здесь, подохнут, а остальные в такой жизни себя ислечат...»

Контора «Стальсантехстроя». Около 200 человек собрались на лутку. Первый вопрос о задержке зарплаты. Объясняют, что деньги пошли на срочное дело — заготовку хлеба. Учетчик Шмаев Константин бросает реплику: «Зачем делать хлебозаготовку? Откройте свободный рынок — и без вас заготовят!»

А вечером на плотине в барак № 4 намечено занятие ликбеза. Один из комсомольцев-ликвидаторов пошел по комнатам приглашать

на занятие. На его приглашение рабочий Гусаров И. О. сказал: «Приглашать нас учиться нечего, мы и без вас ученые, а вы сначала оденьте, а то мы в бараках замерзаем, да кормите лучше. Раньше разве мы так жили? При Николае всякого товара было вдоволь, а вы теперь живете (читай: правите. Автор.) вот уже 13 лет, а ходите все без штанов. Комсомольцы и партийцы везде лезут получить вне очереди. А хотя еще построить хорошую жизнь! Да вы ее никогда не постройте!..»

Габари «Транстроя» 20 сентября в количестве 20 человек не вышли на работу из-за невыплаты зарплаты. Три дня спустя группа Черкасской артели повторила выступление грабавей.

В конце сводки автор приписал: «Все вышеперечисленные лица взяты нами на учет АСЭ для работы». (АСЭ — антисоветский элемент. Автор.)

Разговор на уровне «кухонной плитки» в умелых руках превращался в антисоветчину. В этой «антисоветчине», как и в других сведениях, содержится информация, нужная партийным и производственным руководителям для устранения и предупреждения недостатков.

Возьмем, например, сводку за 26 сентября 1930 года. Основное место в ней отведено прогулам в основных цехах и на строительных площадках. Развернутую таблицу цифр с деталями и подробностями сведом к укрупненным показателям. Вот что получается по строительству: списочный состав — 7850 человек, из них вышло на работу 6385. По коксострою и контрагентским организациям: по списку — 7410 человек, выход — 4920. Другие вспомогательные цехи и предприятия: в списке — 8663 человека, вышло — 6731.

Всего по Магнитострою на день составления сводки: численность рабочих и служащих — 23924 человека, вышло на работу — 18036, что составляет 75 процентов!..

Вот тебе и энтузиазм! На память приходят 1196 замесов бетона, сделанные 26 июня

1931 года бригадой бетонщиков Х. Галиуллина из 26 человек на бетономешалке «Егер» емкостью 375 литров за 8 рабочих часов. Простой арифметический расчет показывает, что один замес, включая засыпку материалов, заливку воды, занимает всего 24 секунды. Трудно себе представить, как организовывался весь процесс подготовки бетона и укладки его всего за считанные секунды. Ведь это все равно, что 24 раза глазом моргнуть. В народе говорят: свежо предание — да верится с трудом.

Возвращаясь к прогулам, учтем невыходы людей на работу по уважительным причинам. Но пусть их будет даже 10 процентов, в оставшихся 15 процентах все равно 3,5 тысячи прямых прогульчиков. Это немало.

В десятидневной сводке по состоянию на 15 октября вновь делается упор на рабочее снабжение. Сообщается, что ЦРК без какой-либо подготовки стал отоваривать хлебные талоны не мукой, как было до сих пор, а печеным хлебом. Не полученный за прошедшие дни хлеб выдаваться не будет. (Прожили без хлеба — ну и Бог простит! — Автор.) «Следствием этого получилось увеличение очередей у хлебных ларьков и магазинов, так как хлебозавод из-за повышения спроса на хлеб не мог подготовиться к нововведению. Отсюда резкое недовольство на кооперацию и падение дисциплины (опоздания на работу и т. п.). В области общественного питания безобразия, отмечаемые в предыдущих сводках, продолжают до сих пор: для обедов нет термосов, поэтому готовая пища привозится на участки холодной; в столовых, которых на строительстве всего 10, очереди превышают возможность в 2-3 раза; карточки на продовольствие разбазариваются».

— Я, если хотите, могу вам достать сколько угодно карточек. В этом для меня нет ни малейшего затруднения... — говорит кладовщик склада на постройке города Владимир Васин».

Окончание следует.

